

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 190–199.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 4 (16). P. 190–199.

Научная статья

УДК 81'44

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-190-199>

СИСТЕМА ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ В РОМАНЕ И. С. ШМЕЛЕВА «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ»: ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

**Татьяна Владимировна
Сафонова**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, safonova76@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8871-2069>

Аннотация. Цель статьи заключается в лингвопоэтическом анализе лексических средств выразительности, представленных в романе И. С. Шмелева «Солнце мертвых». Методика анализа строится на интеграции приемов лингвистического и литературоведческого осмысления художественного текста и предполагает использование семантического, метасемиотического и метаметасемиотического приемов изучения текста. Данный анализ позволяет выдвинуть и подтвердить в ходе исследования гипотезу об особой роли системы тропов в идейно-смысловой и структурной организации романа, а также определить наиболее значимые для выражения авторской интенции выразительные единицы с учетом как их частотности, так и смысловой нагрузки. В ходе анализа были выявлены следующие характерные для авторского стиля средства образности: оксюморон, метафоры, сравнения, эпитеты, гиперболы и метонимии. Установлена их роль в тексте. Оксюморон в заголовке романа определяет общий ход повествования, построенного на противоречии и противопоставлении образов, героев, пейзажных зарисовок и пр. Ключевая задача в романе отводится метафорическому переносу: зооморфные, антропоморфные и мортальные метафоры позволяют автору раскрыть ведущие мотивы произведения – гибель мира, противопоставление живого и мертвого в прямом и переносном значении этих понятий. И. С. Шмелев часто использует развернутые метафоры, объединенные общими символическими образами, что позволяет говорить об участии метафоры в организации композиции произведения. Сравнения и олицетворения дополняют метафорические смыслы. В употреблении эпитетов также отмечается противопоставление прилагательных-колоративов и единиц с семей 'мертвый' – таким образом автор структурирует хронотоп произведения.

Ключевые слова: лингвопоэтический анализ, метафора, сравнение, оксюморон, эпитет.

Для цитирования: Сафонова Т. В. Система образных средств в романе И. С. Шмелева «Солнце мертвых»: лингвопоэтический анализ // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 190–199. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-190-199>

Сведения об авторе: Т. В. Сафонова – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Сафонова Т. В., 2023

Scientific Article
UDC 81'44
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-190-199>

EXPRESSIVE MEANS SYSTEM IN THE “THE SUN OF THE DEAD” BY I. S. SHMELEV: LINGUOPOETIC ANALYSIS

Tatiana V. Safonova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, safonova76@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8871-2069>

Abstract. The purpose of the article is a linguopoetic analysis of the lexical means of expression presented in the novel "The Sun of the Dead" by I. S. Shmelev. The method of analysis is an integration of techniques of linguistic and literary criticism of a fiction text and implies the use of semantic, metasemiotic and metametasemiotic methods of studying the text. This analysis allows us to put forward and confirm in the course of the study the hypothesis about the special role of the tropes system in the ideological, semantic and structural organization of the novel, as well as to determine the most significant expressive units for the expression of the author's intention, taking into account both their frequency and meaning. The analysis reveals the following means of imagery characteristic of the author's style: oxymoron, metaphors, comparisons, epithets, hyperbole and metonymy. The author also points out their role in the text. The oxymoron in the novel title determines the general course of the narrative, built on the contradiction and opposition of images, heroes, landscape sketches, etc. Metaphorical transference in the novel is of key importance: zoomorphic, anthropomorphic and mortal metaphors allow the author to reveal the leading motives of the work – the destruction of the world, the opposition of the living and the dead in the direct and figurative meaning of these concepts. I. S. Shmelev often uses detailed metaphors united by common symbolic images, which allows us to talk about the role of metaphor in the organization of the work composition. Comparisons and personifications complement metaphorical meanings. In the use of epithets the author also notes the juxtaposition of adjectives-coloratives and units with the sema 'dead' – this is how I. S. Shmelev structures the chronotopos of the work.

Keywords: linguopoetic analysis, metaphor, comparison, oxymoron, epithet.

For citation: Safonova, TV 2023, 'Expressive Means System in the "The Sun of the Dead" by I. S. Shmelev: Linguopoetic Analysis', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 190–199, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-190-199> (in Russ.)

Information about the Author: *Tatiana V. Safonova* – Associate Professor, PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Художественная значимость творчества И. С. Шмелева, многогранного и самобытного писателя, бесспорно, велика, вместе с тем в силу идеологических причин его произведения были на долгие годы преданы забвению. В последние десятилетия ситуация коренным образом изменилась: творческое наследие И. С. Шмелева подвергается тщательному изучению литературоведами, лингвистами, философами (см.: Е. В. Параскева, Е. Ю. Шестакова, Н. Б. Подвигина, С. В. Полторацкая, Г. В. Мосалева, Т. В. Мальцева, А. М. Любомудров и др.).

Не остается без внимания исследователей и роман И. С. Шмелева «Солнце мертвых». В основе произведения – события Гражданской войны, непосредственным участником которых стал сам автор, оказавшийся в этот период в Крыму. Данный факт определил и манеру письма: повествование ведется от первого лица с соблюдением буквально документальной точности и в то же время эмоциональности в описании происходящего. По сути, роман воспринимается как хроника года жизни автора-повествователя, стремящегося зафиксировать и реальные события, и мнение очевидцев переломного времени в истории страны. На данную особенность нарратива указал уже А. Амфитеатров: «Шмелев не пугает, а только рассказывает день за днем, шаг за шагом “эпопею” своего крымского, обывательского существования в голодный год под большевистским гнетом, – и... страшно» [1, с. 2]. Многие исследователи творчества И. С. Шмелева единодушны во мнении о том, что «Солнце мертвых» – одна из самых трагичных и даже больше – «страшных» книг в истории человечества. Например, по мнению Ю. Айхенвальда, писателем «рассказана и осуществлена как раз самая страшная из человеческих сказок, такая страшная, что уже оледенела сама способность пугаться, и мы вышли за грани своего существа, своего разума и чувства» [6, с. 7]. Такой же точки зрения придерживается и Н. В. Норина: «И. С. Шмелев пытается осмыслить страшную катастрофу, которая произошла с Россией. Трагическое становится ключевым понятием для раскрытия специфики данного произведения, всеобъемлющей характеристикой его художественного целого» [7, с. 109].

Именно в обыденности ежечасного, ежеминутного присутствия в жизни человека смерти, когда утрачена сама мысль о ценности человека и всего живого на этой земле, и кроется трагический пафос романа. Выражению авторской интенции во многом способствует система образных средств языка. Цель данной статьи заключается в лингвопоэтическом анализе изобразительных единиц, наиболее ярко представленных на страницах произведения.

Под лингвопоэтическим анализом в свою очередь понимается исследование единиц языка с точки зрения особенностей их включения автором в словесно-художественное пространство произведения и их способности выражать нужный эстетический эффект [4, с. 5–38]. Данный подход, совмещающий приемы лингвистической и литературоведческой интерпретации художественных текстов, через связь языка и поэтики позволяет рассмотреть сложное взаимодействие «словесно-речевой структуры и художественно-композиционной организации произведения» [3, с. 471]. Для достижения поставленной цели был использован трехуровневый метод исследования текста: на первом уровне – семантическом – проводилось уточнение содержания анализируемых единиц, на втором – метасемиотическом – выделенные элементы рассматривались во взаимодействии с другими единицами произведения, что позволяло определить их коннотативное, метафорическое и образное значения, на третьем уровне – метаметасемиотическом – выявлялась роль образных средств в реализации идейно-художественного замысла произведения.

В ходе проведенного исследования выдвинутая гипотеза об особой значимости образных ресурсов языка в достижении авторской интенции была подтверждена. Установлено, что И. С. Шмелев использует все богатство изобразительных средств

лексической системы: метафорический и метонимический переносы, различные способы персонификации, сравнения, перифрастические выражения и оксюморон, гипербола становятся для автора основой смысловой и композиционной структуры романа. Частотность использования отмеченных единиц, конечно, различна и определяется как внутренней спецификой элементов, их языковой природой, так и индивидуальным стилем автора.

Уже в самом названии произведения заложено противоречие. Помимо научного определения лексемы «солнце» – ‘раскаленное небесное тело шарообразной формы’, в толковых словарях даются следующие ее дефиниции: ‘Свет, тепло, излучаемые этим светилом. Греться на солнце’; ‘То, что является источником, средоточием чего-нибудь ценного, высокого, жизненно необходимого. Солнце правды’ [8, с. 1098]. В словарях символов лексема трактуется как архетип, связанный с божественным началом, вечностью, силой, дарующей жизнь всему миру. Это и источник высших нравственных ценностей, неслучайно солнце – символ Христа. Утрата солнечного света, тепла, напротив, ассоциируется со смертью как физической, так и духовной [9, с. 401–403]. В противопоставлении лексеме «солнце» слово «мертвый» объясняется как ‘Умерший, лишенный жизни. Мертвое тело’ и ‘Лишенный жизненности, оживления. У него совсем мертвое лицо’ [8, с. 528].

Следует отметить, что глубинный, символический смысл названия «Солнце мертвых» отмечается во многих исследованиях, посвященных данному произведению. И. А. Ильин, например, утверждает следующее: «Заглавие “Солнца мертвых”, по виду бытовое, крымское, историческое, таит в себе религиозную глубину: ибо указывает на Господа, живого в небесах, посылающего и жизнь, и смерть, – и на людей, утративших Его и омертвевших во всем мире» [5, с. 45]. Действительно, И. С. Шмелев, будучи глубоко религиозным человеком, объяснял все происходящее в стране в апокалипсическом ключе, что и находит свое отражение в первую очередь в заголовке романа. С одной стороны, солнце здесь не дарует жизнь, а скорее – отнимает ее, палящими лучами уничтожая все живое, и это не что иное, как божественное наказание, с другой стороны – страшнее физической смерти смерть духовная, ведь для праведников есть еще и свет Божий, солнце Бога, грешникам же уготован только «круг адский».

В заголовке романа сфокусирована одна из его основных идей – противоречивое сосуществование двух миров в одном времени и пространстве – мира еще живых в понимании прямом, физическом, но над которыми уже нависла тень смерти, и мира духовно мертвых. Эта мысль раскрывается посредством контекстуальной конкретизации как собственно сочетания «солнце мертвых», так и отдельных лексем, составляющих данное выражение. Рассмотрим ряд примеров.

Вы, сидящие в креслах мягких, может быть, улыбнетесь. Какая сентиментальность! Меня это нисколько не огорчает. Курите свои сигары, швыряйте свои слова, гремучую воду жизни. Стекут они, как отброс, в клоаку. <...> Вижу в ваших глазах оловянное солнце, солнце мертвых. Никогда не вспыхнет оно, живое, как вспыхивало даже в моей Торпедке, совсем незнайке. [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

В данном фрагменте оксюморон, лежащий в основе сочетания «солнце мертвых», объясняется посредством противопоставления: убитая, мертвая Торпедка и живое солнце в ее глазах – мертвое солнце в глазах живых.

Ну, посмотри на солнце... ты его любила, хоть и не знала, что это. <...> Ну, покажи свои глазки. Солнце! И в них солнце!.. только совсем другое – холодное и пустое. Это – солнце смерти. Как оловянная пленка – твои глаза, и солнце в них оловянное, пустое солнце. <...> Счастливая ты, Торпедка, – на добрых руках уходишь! Я пошепчу тебе, скажу тебе тихо-тихо: солнце мое живое, прощай! А

сколько теперь больших, которые знали солнце, и кто уходит во тьме [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

Фрагмент также построен на противопоставлении живого солнца солнцу смерти. А в метафорическом сопоставлении умирающей курочки Торпедки с живым солнцем вновь раскрывается заложенное в названии противоречие и актуализируются два временных плана – прошлое с живым солнцем и настоящее, солнце которого холодное, пустое, убивающее.

Одним из самых распространенных средств образности в романе И. С. Шмелева является метафора, что объясняется общим принципом построения художественных текстов – стремлением писателей к метафоричности. Мастерам слова свойственно «отталкиваться от обыденного видения мира», они «не мыслят в терминах широких классов», в метафоре же и «заключено имплицитное противопоставление обыденного мира <...> необычному, вскрывающему сущность предмета. Метафора – это вызов природе. Она отражает противоречивость впечатлений, ощущений и чувств» [2, с. 18]. Таким образом, частотность использования метафорического переноса на страницах романа в полной мере объясняется желанием автора раскрыть идею парадоксальности происходящего.

В первую очередь отметим особую значимость зооморфной метафоры: герои произведения нередко сравниваются с различными представителями фауны. При этом можно выделить две основные группы подобного сопоставления – это люди-хищники и люди-жертвы: жертвы – *букашки, мошки, лягушечки*, хищники – *ястреба, стервятники, собаки, волки, пауки* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

Усиленные другими средствами образности, неоднократно повторяющиеся в тексте, данные единицы становятся центром развернутых метафор и выполняют сюжетобразующую функцию. Например: *А, налетает ястреб! К осени ястребы лютуют. <...> Ястреба ее хорошо знают..., боятся и ненавидят. Подстерегают ее в дубовых чащах, впиваются хищными зрачками: так бы и разорвали! Ее понимают все куры, все птицы... Сама она похожа на белую голубку. Закричит тревожно, и всюду по горкам поднимаются крики и хлоп ладошей. <...> Сколько над ними дрожали, укрывали, когда ходили отбирать «излишки»... Укрыли. А теперь ястребов боятся, стервятников крылатых* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

На первый взгляд, в основе эпизода – совершенно бытовая ситуация: ястреба охотятся на домашнюю птицу. Однако сравнение девочки Ляли с белой голубкой и ястребов с человеком, о чем свидетельствуют глаголы, приписывающие хищной птице антропоморфные качества (*боятся и ненавидят*), с одной стороны, становятся важной основой для композиционной антитезы и тем самым участвуют в раскрытии мысли автора о полной противоположности людей-хищников, жаждущих крови, и мирных людей, с другой – прогнозируют верное прочтение следующих далее эпизодов, где отмеченная идея представлена развернутой метафорой.

Кто-то верховой едет... кто такой? Подымается из-за бугра к нам, на горку... А, мелкозубый этот!.. Музыкант Шура. Как он себя именует – «Шура-Сокол». Какая фамилия-то лихая! А я знаю, что мелкий стервятник это. Кто сотворил стервятника? В который день, Господи, сотворил Ты стервятника, если Ты сотворил его? <...> Я отворачиваюсь, за кипарис кроюсь. <...> – Бог труда любит! Порой и стервятники говорят о Боге! Вот почему я кроюсь: я слышу, как от стервятника пахнет кровью [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

И вот, когда все, как трава, прибито, раскатывает Шура-Сокол на лошадке. Недаром он поигрывал на рояле, поглядывал с самой высокой дачи – стервятники приглядывают с верхушек! [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»]

Так, уподобляя мир человека миру природы, писатель доносит до читателя мысль о хищной сущности представителей новой власти, требующей все новых и новых жертв и крови.

Лишенные всяких человеческих прав, люди продолжают свое существование подобно мошкам, букашкам: *как люди людей боятся, – людей ли? – как тычутся головами в щели; прижались, зажались в щели и затаились букашки-люди, живут – не дышат* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

Символом прошлого России становятся кони, оставленные отступившей Белой армией. В эпизоде явно прослеживается противопоставление погибающих в неравной борьбе коней людям-«стервятникам» и «мошкам». Например:

Лошади по холмам стояли – покинутые кони. Стояли – ждали. И падали. А по одиноким дачкам ходил и ходил хромым архитектор и отбирал книги... А люди совалились в щели. Фу, сон кошмарный; Чаще кружились стервятники и орлы над ними, рвали живьем собаки. Дальше всех держался вороной конь, огромный, – должно быть, артиллерийский. <...> Стоял у края. Дни и ночи стоял, лечь боялся. Крепился, расставив ноги. В тот день дул крепкий норд-ост. Конь не мог повернуться задом, встречал головой норд-ост. И на моих глазах рухнул на все четыре ноги – сломался [Шмелев И.С. «Солнце мертвых»].

В данном эпизоде автор использует, по сути, тот же прием, что и в случае с ястребом-стервятником. Можно говорить о двойственности смысла: по-настоящему героическая борьба коня за жизнь становится символом такой же негибимой воли людей. Не случайно аллегорическое звучание фрагмента поддерживается рассказом о судьбе белых офицеров: *Их было семеро, с поручиком-командиром. Долгие месяцы держались они в лесах и камнях, на перевале, в снегах и ливнях. Грозил и не сдавались. <...> Ловят перепелов на дудочку, селезней на утиный крик. Их поймали заманкой: объявили – прощение. Они спустились с оружием – почерневшие и худые, с тревожно-сверкающими глазами застигнутой горной птицы* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»]. Яркий образ свободной горной птицы, обманом пойманной птицеловом, вновь становится центром развернутой метафоры. Таким образом, мир живой природы, его законы становятся для И. С. Шмелева продуктивным источником образности.

Следует отметить, что частотен в романе и противоположный зооморфному прием антропоморфизма, когда природе Крыма, нередко неодушевленной, приписываются человеческие качества. Среди частных, но в то же время самых распространенных способов такого одушевления вновь отметим метафору: *Правее еще – мохнатая шапка лесного Бабугана. Видны на нем щетины лесов сосновых; Зимние ливни роют на нем дороги, прокладывают морщины; Старая татарская груша, дулистая и кривая, годы цветет и сохнет, годы кидает вокруг медовую желтую «бурздухан», все дожидается смены. Не приходит смена; Все, что у него было в кармане и в голове, отдал земле сухой, и вот, к концу его жизни, она подарила ему свою улыбку – Тихую Пристань* [Шмелев И.С. «Солнце мертвых»].

Широко используется с этой целью и олицетворение: *века гора глядела в человеческое стойло; солнце пишет полотна; спят тысячелетние пни дубов; донимают ветры; нахмурился Бабуган, глядит сурово и др.* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

Антропоморфные метафоры и олицетворения позволяют писателю противопоставить свободный и глубоко духовный мир природы человеку-зверю (*Храбрых укроют камни. Простая правда у них – своя*), подчеркнуть равнодушие природы к страданиям человека (*Я вижу тайную их улыбку – улыбку камня; Это же солнце смеется, только солнце*), усилить идею гибели всего сущего (*каменистый клочок земли, недавно собиравшийся жить, теперь убитый*).

Используются автором и мортальные метафоры. Их задача – актуализировать семантику неживого, неодушевленного предмета, явления, однако в тексте произведения они нередко получают совершенно иную интерпретацию. Например: *И плетущийся старик-нищий, кусок глины и солнца, осколок человеческий...* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»]. В уподоблении старика осколку, куску глины и солнца прослеживается мысль о тесном единении человека и родной земли.

Выделенный метафорический образ является частью более сложной метафоры, организующей композицию эпизода, связанного с воспоминаниями автора о прошлом России: *«Ах, какой был чудесный оркестр – жизнь наша! Какую играл симфонию! А капельмейстером была мудрая Жизнь-Хозяйка. Пели свое, чудесное, эти камни, камни домов, дворцов, – как орут теперь дырявыми глотками по дорогам! Железо пело – бежало в морях, в горах <...>, звонило по подойникам, на фермах, славной молочной песенкой... Пели сады, вызванные из дикости, смеялись мириадами сладких глаз...И звоны ветра...»* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

Переосмысленная музыкальная терминология составляет основу метафорического образа оркестра, исполняющего симфонию самой жизни: *капельмейстер, октавы, литавры, барабаны и пр.* Метонимический перенос – *железо пело*, повторяющееся олицетворение – *пели камни, пели сады, пела пшеница* – обобщает гиперболу *вселенский оркестр*. Так И. С. Шмелев создает гимн прошлому России.

Как отмечается многими исследователями, антиномия является основным композиционным приемом романа, поэтому и в данном эпизоде в гармоничную мелодию утраченного рая, великолепную симфонию прошлого врываются раздражающие звуки нового времени (*орут теперь дырявыми глотками, шумы-ревы развалившегося оркестра*).

Данный принцип становится основополагающим и в пейзажных зарисовках. С одной стороны, природа в произведении наполнена жизнью, и в этом ее очарование: *По горам жаровая дымка, начинают синеть и мерцать горы. Движутся, ожидают. Смотрят; Там стены – глубокой чашей, небо там – сине-сине. <...> Спят тысячелетние пни дубов, заваленные камнями. <...> Дремлет на солнцепеке каменная змея; Цикады трясутся и трясутся над ухом ржавой, немолчной гремью – жаркое сердце балки* [Шмелев И.С. «Солнце мертвых»]. С другой – грозит человеку гибели: *Всю ночь дьяволы громыхали крышей, стучали в стены, ломались в мою мазанку, свистали, выли... – Чатыр- даг ударил! <...> Сегодня он бурно «дышит». Последняя позолота слетела с гор – почернели они зимней смертью. <...> Вышли из лесов камни – смотрят. Теперь будут лежать – смотреть. Открыли горы каменные глаза свои, недвижные и пустые... Когда Чатырдаг дышит, все горы кричат – готовься!* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

Главными репрезентантами авторского восприятия действительности здесь вновь становятся выразительные средства языка: отметим противопоставление олицетворяющих глаголов (*двигаются, ожидают, смотрят, спят, дремлет – громыхали, стучали, ломались, свистали, выли*), метафорических сочетаний (*жаркое сердце балки – почернели зимней смертью*). Один и тот же эпитет каменный в разных контекстах получает противоположное семантическое наполнение: *каменная змея* – ‘по форме и цвету напоминающая камень’, *каменные глаза* – ‘равнодушные, бесчувственные’.

К миру природы человек обращается в поисках последней надежды: *У мира свои забавы... Весна... Золотыми ключами, дождями теплыми, в грозах, не отомкнет ли она земные недра, не воскресит ли Мертвых? Чаю Воскресения Мертвых! Я верю в чудо! Великое Воскресение – да будет* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»]. Ключевая метафора фрагмента строится на архетипичных представлениях человека о весне как пробуждении всего сущего и христианских верованиях, пред-

полагающих возможность возрождения человека. Таким образом утверждается победа жизни над смертью.

Противопоставление живого и мертвого является основным приемом и при характеристике двух основополагающих пространств романа – сада и дома. Для И. С. Шмелева это не просто реальное место событий – границы реальности в романе весьма относительны. Рассказчик их непрерывно и намеренно разрушает, поэтому и дом, сад часто обретают «символично-инфернальный характер» [10, с. 102]. С одной стороны, дом и сад по-прежнему остаются для погибающего человека единственным пристанищем, связующей нитью с прошлым, что объясняется широким употреблением эпитетов *тихий, ласковый, кроткий: низенький, скромный, тихий – домик под красной крышей; ласковы-кротки белые домики – житие мирное; на предел участка, на тихий угол; вот и наш тихий домик; причал последний, наш кроткий домик* [Шмелев И.С. «Солнце мертвых»]. При описании сада автор использует яркие эпитеты-колоративы: *розово-красный, золотисто-малиновый, золотой, светлый, рыжий, красный* и др.

Этому родному, обжитому пространству противопоставлено брошенное и разрушенное новыми «хозяевами», что подтверждается частотностью эпитета *мертвый* и ряда прилагательных семантически близких ему: *уголок давно мертвый; Стонет на ржавых петлях болтающаяся дверца сарайчика, бухает ветром в калекедачке... Унылы, жутки мертвые крики жизни опустошенной; Плакала внучка в пустой дачке; Лежал Одарюк на полу, в пустой комнате бывшего пансиона; на умирающих дачках* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

Общее пространство родной земли, брошенной, опустошенной получает у И. С. Шмелева осмысление в метафорическом образе кладбища, погоста: *Хорош городок отсюда... Хорош обманчиво. Стекльшками смеется! <...> Я знаю эту усмешку dalej... Это же солнце смеется, только солнце! Оно и в мертвых глазах смеется. Не благостная тишина эта: это мертвая тишина погоста. Под каждой кровлей одна и та же дума – хлеба!* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»].

Для выражения данной идеи, на наш взгляд, очень важным является совмещение двух семантических планов – буквального и переносного – в лексеме «подвал»: *И не дом пастыря у церкви, а подвал тюремный... Не церковный сторож сидит у двери: сидит тупорылый парень с красной звездой на шапке... И на штыке солнышко играет; Теперь, замученные, попали они в подвалы. Из подвалов их брали и убивали; В зимнее дождливое утро, когда солнце завалили тучи, в подвалы Крыма свалены были десятки тысяч человеческих жизней и дожидались своего убийства* [Шмелев И. С. «Солнце мертвых»]. Используя в последнем примере метонимию и гиперболу, автор добивается предельного обобщения в выражении мысли о вакханалии смерти.

В этом случае легко устанавливается смысловая связь с отмеченным выше метафорическим образом кладбища, что, в свою очередь, позволяет говорить о различных семантических реализациях центральной метафоры родного пространства, в которой воплощается автором бытие Крыма, – метафоре жизни Мертвых:

Я сидел на бугре, смотрел через городок на кладбище. Всмотривался в жизнь Мертвых. <...> Смотрел и решал загадку – о жизни-смерти. Может случиться чудо? Небо – откроется? И есть ли где это Небо? И другое решал – свое. У меня еще крест на шее, а на руке – кольцо. Отнесу греку, татарину, кому нужно ходячее золото, – бери и кольцо, и крест! Я останусь свидетелем жизни Мертвых. Полную чашу выпью [Шмелев И.С. «Солнце мертвых»].

Показательно, что автор нередко использует гиперболу для характеристики масштабов революционных репрессий: *куда ни взгляни – никуда не уйдешь от крови; не будет никакой точки, вовек не будет* [Шмелев И.С. «Солнце мертвых»]. В то

же время мысль о полном обесценивании человеческой жизни, когда человек и не человек вовсе, реализуется посредством метонимических переносов: ... *за какие-нибудь три месяца! – человеческого мяса, расстрелянного без суда, без суда! – восемь тысяч вагонов, девять тысяч вагонов! <...> Десять тысяч тонн свежего человеческого мяса, мо-ло-до-го мяса! Сто двадцать тысяч го-лов! Че-ло-ве-ческих!* [Шмелев И.С. «Солнце мертвых»].

Таким образом, анализ текста романа И. С. Шмелева в единстве его языковой реализации и авторской интенции позволил прийти к следующим основным выводам: 1) оксюморон, представленный в названии романа, определяет весь ход повествования, построенного на противоречии и противопоставлении; 2) среди наиболее частотных изобразительных средств главенствующее место отводится метафоре; метафора часто имеет сложную структуру, отдельные метафорические образы характеризуются тесной семантической связью, что позволяет говорить об участии данного средства выразительности в организации композиции романа; автор использует различные смысловые способы переноса по сходству, но наибольшее значение для выражения идеи произведения имеют зооморфные, антропоморфные и мортальные метафоры; 2) сравнения и олицетворения используются в качестве дополнительного средства, усиливающего и развивающего метафорические смыслы; 3) в пейзажных зарисовках автор опирается на яркие эпитеты, что позволяет создать проникновенный образ родной земли; апокалипсические мотивы реализуются в числе прочего системой повторяющихся эпитетов с семей 'мертвый'; 4) антитеза живого и мертвого раскрывается в ряде языковых и контекстуальных антонимов; 5) гипербола – основной прием, позволяющий автору охарактеризовать масштабы происходящей трагедии.

Список источников и литературы

1. Амфитеатров А. Страшная книга // Возрождение. 1926. 17 ноября, № 533. С. 2.
2. Арутюнова Н. Д. Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 513 с.
3. Борисова Е. Б. Лингвопоэтический анализ Художественного текста: история, методология и методика исследования : электрон. копия печ. ст. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopoeticheskiy-analiz-xudozhestvennogo-teksta-istoriya-metodologiya-i-metodika-issledovaniya> (дата обращения: 03.09.2023).
4. Виноградов В. В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 5-38.
5. Ильин И. А. О тьме и просветлении: Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев. М.: Скифы, 1991. 216 с.
6. Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю. И.] Литературные заметки // Руль. 1923. 8 июля (25 июня), № 791. С. 7.
7. Норина Н. В. Трагическое состояние мира в «Солнце мёртвых» И. С. Шмелева : электрон. копия печ. ст. // Вестник ЧелГУ. 2011. № 25(240). С. 119-125. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tragicheskoe-sostoyanie-mira-v-solntse-myortvyh-i-s-shmeleva> (дата обращения: 03.09.2023).
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ : Мир и Образование, 2018. 1360 с.
9. Роголевич Н. Н. Словарь символов и знаков. Мн.: Харвест, 2004. 512 с.
10. Шестакова Е. Ю. Образ природы в эпосе И. С. Шмелева «Солнце мертвых» : электрон. копия печ. ст. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-prirody-v-epoee-i-s-shmeleva-solntse-mertvyh> (дата обращения: 14.11.2023).
11. Шмелев И. С. Солнце мертвых. М.: Мартин, 2018. 384 с.

References

1. Amfiteatrov, A 1926, 'Strashnaya kniga' (The Terrible Book), *Vozrojdénie*, no.533, p.2. (In Russ.)
2. Arutyunova, ND 1990, *Teoriya metafory* (Theory of metaphor), Progress publ, Moscow. (In Russ.)
3. Borisova, EV 2008, 'Lingvopoeticheskiy analiz Xudozhestvennogo teksta: istoriya, metodologiya i metodika issledovaniya' (Linguopoetics of verbal art: history, methodology and methods), *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, no. 22, viewed 3 September 2023, <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopoeticheskiy-analiz-xudozhestvennogo-teksta-istoriya-metodologiya-i-metodika-issledovaniya> (In Russ.)
4. Vinogradov, VV 1954, 'Yazyk khudozhestvennogo proizvedeniya' (The language of the artwork), *Voprosy Jazykoznanija*, no. 5, pp.5-38. (In Russ.)
5. Ilyin, IA 1991, *O t'me i prosvetlenii: Kniga khudozhestvennoy kritiki. Bunin. Remizov. Shmelev* (About darkness and enlightenment: a Book of art critic. Bunin. Remizov. Shmelev), Skify publ, Moscow. (In Russ.)
6. Kamenetskiy, B. (Aykhenval'd YuI) 1923, 'Literaturnyye zametki' (Literary notes), *Roul*, no. 791, pp. 7. (In Russ.)
7. Norina, NV 2011, 'Tragicheskoye sostoyaniye mira v «Solntse mertvykh» I. S. Shmeleva' (The tragic state of the world in "The Sun of the Dead" by I. S. Shmelev" , *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 25 (240), viewed 3 September 2023, <https://cyberleninka.ru/article/n/tragicheskoe-sostoyanie-mira-v-solntse-myortvyh-i-s-shmelev> (In Russ.)
8. Ozhegov, SI 2018, *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* (Explanatory dictionary of the Russian language), AST publ, Mir i Obrazovaniye publ, Moscow. (In Russ.)
9. Rogalevich, NN 2004, *Slovar' simvolov i znakov* (Dictionary of symbols and signs), Kharvest publ, Minsk. (In Russ.)
10. Shestakova, EYu 2022, 'Obraz prirody v epopeye I. S. Shmeleva «Solntse mertvykh»' (The Image of nature in I.S. Shmelev's epic "The Sun of the Dead"), *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciencesvol*, no. 1, viewed 14 November 2023, <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-prirody-v-epopee-i-s-shmeleva-solntse-mertvyh> (In Russ.)
11. Shmelev, IS 2018, *Solntse mertvykh* (The Sun of the Dead), Martin publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 08.09.2023
Одобрена после рецензирования: 17.11.2023
Принята к публикации: 17.11.2023

The article was submitted: 08.09.2023
Approved after reviewing: 17.11.2023
Accepted for publication: 17.11.2023